

КАЖДАЯ РОЛЬ — ЛЮБИМАЯ

Судьба актерская — в руках самого артиста. Актерский путь Евгения Попова представляет собой как раз тот случай, когда мастерство мужало, крепло, индивидуализировалось, несмотря на многочисленные «препятствия» жизни.

В архиве заслуженного артиста республики сохранилась Почтовая грамота Семипалатинской школы № 12, датированная 1936 годом. Она, эта оценка первых жизненных успехов, адресована первокласснику Жене Попову...

А следующая получена спустя десять лет, в тяжелое послевоенное время, в ознаменование двадцатипятилетия комсомола Казахстана. Получена из рук легендарного Алиби Джангильдина...

Кто же тогда знал, что спустя еще двадцатилетие Е. В. Попов-киноартист создаст образ одного из верных соратников Джангильдина в фильме «Дорога в тысячу верст» — простого русского крестьянина Тараса, сердечно преданного делу революции, искреннего и мудрого мужа...

Первая половина сороковых годов — ФЗО, заводские цехи. Жена — секретарь комитета комсомола. Потом служба в рядах Советской Армии. Рядовой Евгений Попов активно участвует в армейской самодеятельности не только в качестве исполнителя центральных ролей, но и как постановщик спектаклей «Калиновая роща», «Слава», «Без вины виноватые», «Святая ложь».

А вторая половина сороковых, уже мирных, лет актера — это и есть начало работы в Республиканском театре русской драмы имени М. Ю. Лермонтова.

Год 1952 — член КПСС...

Год 1957 — диплом лауреата второго Республиканского смотря драматических театров республики — за образ Трилецкого в «Платонове» А. П. Чехова...

Год 1961 — заслуженный артист Казахской ССР...

Более восьмидесяти ролей на сцене...

Двадцать четыре кинокартины, студии «Казахфильм», «Киргизфильм», «Ленфильм»...

Роль Шибанова в «Иване Грозном» и небольшой эпизод

старшины Лабинского в «За тех, кто в море!» Б. Лавренева — первые профессиональные пробы студийца и молодого артиста русского театра Алма-Аты. И — первые в жизни рецензии, в которых особо отмечались роли, исполненные Е. Поповым.

Потом был Швандя в «Любови Яровой» (сыгранный, кстати сказать, экспромтом: за пару часов до начала спектакля стало известно, что исполнитель роли тяжело заболел), Николай Гаврилович — центральная роль в комедии В. Полякова «Не ждали», Филипп Блохин в «Порт-Артуре», Иван Рыбаков в одноименной пьесе Гусева. Милорад в «Докторе» Б. Нушича, Мартыанов в «Свести...» Ролей много — вряд ли стоит их перечислять. Диапазон актера широк, и подход к каждому из героев отыскивается всякий раз по-новому, исключая пользование творческими «отмычками». И главное, что отличает полный тревоги и отеческой заботы о судьбе своего героя, путь артиста — каждая роль, большая и маленькая, в театре и в кино — любимая. К каждой из них — подход серьезен и глубок, в каждую из них вкладывается частичка жизни и человеческих наблюдений не формально, а предельно заинтересованно, не поверхностно, но непременно — глубоко. Только в этом случае и рождается творение, которое с полным правом можно назвать объемным и многогранным словом ОБРАЗ.

Мне довелось во всех почти подробностях наблюдать рождение такой актерской работы, как Александр Одоевский в «Поручике Лермонтове» К. Паустовского. Сломленный силой власти и все же великий и непобедимый духом, Саша Одоевский еще одной гранью притянул для зрителя непримиримость, мечту — о грядущем тех, кто верил, что «взойдет она, звезда пленительного счастья». Светлый и несломленный Саша Одоевский (так ласково у Паустовского зовет его Лермонтов), — пусть изгнан в солдаты, безымянно умирает в ссылке, но так и не поставлен на колени. И артист стремится мягкими, акварельными средствами актерской палитры вос-

создать героическое, стойкое, великое в личности...

Являет собой образец неустанных актерских поисков и Максим в «Традиционном сборе». Максим рождался трудно. Поначалу чувствуя, потом уже — точно зная, что Петров вовсе не такой простой образец опустившегося, сломленного собственным безволием, неспособного к борьбе человека, Попов почти ежедневно приносил на репетиции иные толкования своего героя, часто приобретающие совершенно неожиданные и новые окраски образа. Вот такие бесчисленные пробы (а ведь репетиция и есть не что иное, как проба, иначе спектакль можно было бы сразу же играть, едва усвоив текст пьесы) и привели к созданию предельно емкого, во всех тонкостях психологически обоснованного человека, прожившего «всю жизнь», но настоящая жизнь у которого после «сбора» скорее всего лишь начнется...

Нет возможности останавливаться на всем творчестве Евгения Попова — оно чрезвычайно многообразно. Работа в кино. На телевидении и радио. Творческие встречи перед кино- и театральным зрителем, в подшефных воинских подразделениях (где бывший рядовой вы-

ступает с особым трепетом)...

Лучше всего артиста смотреть и слушать в этих работах. И оценивать. И, конечно, в результате этих оценок — ценить.

Евгений Попов всегда в окружении людей. Его приветствуют искренним словом многочисленные почитатели самобытного артистического дарования. И встречи всегда начинаются с шуток — искрометной, острой, добродушной, подчас даже злой, но всегда — меткой и точной.

Вспоминается высказывание одного из друзей Попова, относящееся к началу шестидесятых годов:

— Что касается артиста Попова, то он столько сыграл милиционеров, что, вероятно, сейчас уже мог бы работать начальником отделения милиции!

И даже это улыбочное замечание скорее всего подтверждает слияние артиста и образа, в какую бы форму он ни был облачен — в гимнастерку или в цивильный пиджак.

...Нераздельное слияние с героем — всегда горячо любимым в работе, даже если в результате образу выносятся приговор, — самое ценное в творческой «повседневности» заслуженного артиста.

В. ТАРШИС.

